

Литрес ≡ Классика

Ги де Мопассан

ИСТОРИЯ ОДНОЙ РАБОТНИЦЫ

Ги де Мопассан
История одной работницы

«ЛитРес»

1881

де Мопассан Г.

История одной работницы / Г. де Мопассан — «ЛитРес», 1881

Рассказ Ги де Мопассана «История одной работницы» (также публиковавшийся под названиями «История служанки с фермы» и «История одной батрачки») повествует о непростой доле деревенской девушки, нанявшейся в услужение на ферму. В центре сюжета – скрываемая молодой женщиной тайна и череда постыдных для неё событий, которая показывает всю глубину зависимости женской судьбы от сурового патриархального уклада и людского эгоизма.

© де Мопассан Г., 1881

© ЛитРес, 1881

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ги де Мопассан
История одной работницы

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

История одной работницы
(также публиковавшийся под названиями «История служанки с фермы» и «История одной батрачки») ¹

¹ Новелла впервые была напечатана в журнале «Синее обозрение» 26 марта 1881 года.

I

Так как погода стояла прекрасная, работники фермы пообедали быстрее, чем обычно, и отправились в поле.

Служанка Роза осталась одна в просторной кухне, где в очаге под котлом с горячей водой угасал последний огонь. Время от времени она черпала воду из этого котла и не спеша мыла посуду, поглядывая на два ослепительных квадрата, которые солнце отбрасывало сквозь окно на длинный стол так, что в них становились видны все изъяны стекол.

Три бесстрашные курицы искали крошки под стульями. Через полуоткрытую дверь проникали запахи скотного двора и теплые испарения перебродившего в хлеву навоза; в безмолвии знойного полдня слышалось пение петухов.

Когда покончила наконец со своей работой, вытерла стол, вычистила очаг и расставила тарелки на высоком поставце в глубине кухни, около звонко тикавших деревянных часов, девушка вздохнула, чувствуя, сама не зная почему, какую-то усталость и недомогание. Она взглянула на почерневшие глиняные стены, на задымленные балки потолка, с которых свисали лохмы паутины, копченые сельди и связки лука, затем села, ощущая тошноту от застарелых испарений, выделявшихся в этот жаркий день из утрамбованного земляного пола, на котором за долгие годы высохло столько всяких пролитых жидкостей. Сюда присоединился и острый

запах молочных продуктов, отстайвавшихся на холодке в соседнем помещении. Девушка взялась было, как обычно, за шитье, но ее охватила слабость и она вышла на порог подышать свежим воздухом.

Под лаской жарких лучей ей стало лучше: в сердце проникло сладкое тепло, и по всему телу разлилась приятная истома.

Из кучи навоза перед дверью непрерывно выделялся легкий пар, блестящий в лучах солнца. Куры валялись на самом вершине этой кучи и, лежа на боку, разгребали ее одною лапкой, отыскивая червей. Среди них высился великолепный петух. Ежеминутно он избирал одну из них и кружил около нее с легким призывным квохтанием. Курица небрежно подымалась и с невозмутимым видом принимала его, поддерживая на своих крыльях и подгибая лапки; затем отряхивала перья от пыли и снова укладывалась на навоз, пока он пел, подсчитывая свои победы; во всех дворах ему отвечали другие петухи, словно посылая друг другу, от фермы к ферме, любовные вызовы.

Служанка глядела на них, ни о чем не думая, затем подняла глаза, и ее ослепил блеск цветущих яблонь, сплошь белых, как напудренные головы.

Внезапно мимо нее промчался галопом молодой жеребенок, обезумевший от радости. Он два раза проскакал вдоль канав, обсаженных деревьями, а затем разом остановился и оглянулся, словно удивившись, что он в одиночестве.

Она также была бы не прочь побегать, подвигаться, но в то же время ей хотелось улечься, вытянуться, отдаться покою в этом неподвижном горячем воздухе. Она нерешительно сделала несколько шагов, закрывая глаза, охваченная чисто животным блаженством, и тихонечко пошла на птичий двор собрать яйца. Их оказалось тринадцать; она взяла их, принесла в дом и спрятала в буфет, но опять почувствовала себя нехорошо от кухонного запаха и вышла посидеть на травке.

Двор фермы, обсаженный со всех сторон деревьями, казалось, спал. Высокая трава, в которой горели, как огоньки, желтые одуванчики зеленела сочно, свежо, по-весеннему. Тень от яблонь правильными кругами лежала у их корней; соломенные крыши хозяйственных построек, на гребне которых выросли ирисы с листьями, похожими на сабли, слегка курились, словно сырость конюшен и сараев улетучивалась сквозь солому.

Служанка зашла под навес, куда ставили телеги и экипажи. Рядом, в канаве, была большая зеленая ложбинка, заросшая фиалками, запах которых далеко разливался вокруг, а за откосом виднелись поля, обширная равнина с посевами, с разбросанными там и сям кучами деревьев, с группами маленьких, словно куклы, работников, маячивших вдаль, и с белыми, словно игрушечными лошадьми, тащившими детский плуг, на который налегал человек ростом с мизинец.

Взяв с чердака сноп соломы, она бросила его в эту ложбинку, собираясь посидеть на нем, но так как сидеть ей было неудобно, она распустила вязь, разостлала солому и легла на спину, заложив руки за голову и вытянув ноги.

Незаметно она закрыла глаза, цепenea в каком-то сладостном изнеможении, и совсем уж стала засыпать, как вдруг чьи-то руки схватили ее за грудь и она вскочила. То был Жак, работник с фермы, рослый и статный пикардиец, который с некоторых пор ухаживал за ней. В этот день он работал в овчарне и, заметив, что Роза улеглась в тени, неслышно подкрался к ней, затаив дыхание, с разгоревшимися глазами; в волосах его запутались соломинки.

Он попытался поцеловать ее, но она была сильна, как он сам, и закатила ему пощечину; он притворно запросил пощады. Они уселись рядом и завели дружелюбный разговор: потолковали о том, что погода благоприятна для посевов, что год обещает быть урожайным, что их хозяин – славный малый; затем о соседях, обо всей здешней местности, о себе самих, о родной деревне, о своей юности, о воспоминаниях детства, о родителях, которых они покинули надолго, а может

быть, и навсегда. Она растрогалась, подумав об этом, а он, поглощенный своей навязчивой мыслью, подошел к ней и прижимался, весь дрожа, охваченный вождением.

Она говорила:

– Давно уж я не видала матери; все-таки тяжело жить так-то вот, в разлуке.

И глаза ее задумчиво глядели вдаль словно через все пространство, отделявшее ее от покинутой далеко на севере родной деревни.

Внезапно он обхватил ее за шею и снова поцеловал, но она, крепко сжав кулак, так сильно ударила его по лицу, что у него пошла кровь из носа. Он встал и прислонился головой к стволу дерева. Она разжалобилась и, подойдя к нему, спросила:

– Очень больно?

Но он засмеялся: нет, мол, пустяки, только вот стукнула-то в самую середку, и прошептал, восхищенно глядя на нее, ощутив уважение и какое-то иное чувство, начало настоящей любви к этой крупной, здоровой девке:

– Ах, черт возьми!

Когда кровь остановилась, он предложил ей пройтись, так как побаивался ее здоровенного кулака, если они останутся сидеть рядом. Но она сама взяла его под руку, как делают обрученные, прогуливаясь по вечерам по улице, и сказала:

– Нехорошо, Жак, что ты презираешь меня.

Он запротестовал. Нет, он не презирает, а просто-напросто влюбился в нее.

– Значит, ты согласен жениться? – спросила она.

Он заколебался, потом искоса посмотрел на нее, пока она неопределенно глядела вдаль. У нее были румяные полные щеки, выпуклая грудь, вздымавшаяся под ситцевым лифом, крупные свежие губы, а обнаженную шею усеивали мелкие капельки пота. Он вновь почувствовал прилив желаний и, приблизив губы к ее уху, шепнул:

– Да, согласен.

Тогда она обняла его обеими руками за шею и поцеловала таким долгим поцелуем, что у них обоих захватило дыхание.

С тех пор между ними завязалась обычная любовная история. Они возились в уголках, назначали друг другу свидания при лунном свете, за стогом сена, а под столом насаживали друг другу синяки на ногах тяжелыми, подкованными башмаками.

Но вот мало-помалу она как будто наскучила Жаку: он стал избегать ее, больше не разговаривал с ней, не искал встреч наедине. Ею овладели сомнения и глубокая печаль, а по прошествии некоторого времени она заметила, что беременна.

Сначала она перепугалась, затем ее охватил гнев, усиливавшийся с каждым днем, потому что ей никак не удавалось повстречаться с Жаком – он старательно ее избегал.

Наконец однажды ночью, когда на ферме все спали, она бесшумно вышла из дома босиком, в нижней юбке, пересекла двор и толкнула дверь конюшни, где Жак спал над стойлами в большом ящике, доверху набитом соломой. Он притворно захрапел, услышав ее шаги, но она вскарабкалась к нему и, став рядом с ним на колени, принялась его трясти, пока он не приподнялся.

Наконец он сел и спросил:

– Что тебе надо?

Она, дрожа от бешенства, стиснув зубы, процедила:

– Я хочу, чтобы ты на мне женился. Ты обещал обвенчаться со мной.

Он засмеялся и ответил:

– Еще чего! Если жениться на всех девушках, с которыми согрешишь, что бы это было?

Но она схватила его за шею, опрокинула навзничь, не давая высвободиться, и, сдавив горло, прокричала в самое лицо:

– Я беременна, слышишь, беременна!

Он хрипел, задыхался; они оставались неподвижными, безмолвными в черной тишине ночи. Слышно было лишь похрустывание челюстей какой-то лошади, которая вытаскивала солому из яслей и лениво ее пережевывала.

Жак понял, что она сильнее его, и пробормотал:

– Ну ладно, уж если так, я женюсь.

Но она больше не доверяла его обещаниям.

– Сегодня же, – сказала она. – Распорядись насчет оглашения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.